

Валентина ЛЕБЕДЕВА

пос. Курба

Ленинградской области

Перевод с вепсского – автора

«Ничто не определяет нас так,
как род наших воспоминаний»

И.А.Бунин

Любимые слова родного языка
на листах записаны,
дорогие детские воспоминания
в разговоры собраны.
Мои душевные слёзы,
вам, народ, явлены,
ласковые слова воспоминаний,
вам, читатели, оставлены!

Мягозеро. Деревня, в которой я родилась

Я маленькая. И я осталась дома одна. Бабушка ушла в хлев, а мама ещё не пришла с работы. Осенний вечер наступает рано, в доме становится темно, вокруг стола от лампы свет, углы же тонут в темноте. Я сижу не дыша и боюсь заглянуть под выступ печи. Там живёт Бука, чёрный, мохнатый старичок. Он и дом сторожит, и неслухов де-

тей пугает и с собой уносит. Это мне рассказала бабушка, и этого Буки я больше всего боюсь. Остальные домашние духи не страшные и почти всегда помогают.

Я ясно не вижу в образах, как они выглядят, только вижу, что дух хозяйшки хлева – это такая махонькая старушка в белом платочке. Она добрая-предобрая и играет в хлеву с телёнком.

Я тоже с ним играю целое лето, даю ему хлеба, телёнок смешно сосёт мой палец и играет со мной в пятнашки. Осень я не люблю, осенью телёнка убивают, и я плачу по ним каждый раз, так мне их жалко.

Вспоминаю, что позже во все годы мама распрягалась забивать телёнка только тогда, когда меня не было дома, была в интернате. В один год мама забыла снять с сарая шкуру, которая сохла на перекладине, и я её увидела. Была уже большой девочкой, но плакала так, что мама с бабушкой не знали, что же со мной и делать. Умом всё понимала, но только всё моё сердце бунтовало против убийства...

* * *

Бабушка с подойником пришла из хлева. Я обрадовалась, смело посмотрела под выступ печи и показала Буке язык. Когда бабушка рядом, то чего его бояться? Бабушка процедила молоко и поставила греться самовар. Он старый и дан бабушке в приданое. Этот медный самовар мне очень нравится! Он поёт на разные голоса, свистит, кидает искры и начинает весело булькать. Чай вскипел. И мама пришла.

– Мама, а ты меня откуда родила?

– Ээээ, из подмышки, дочка, – мама протягивает мне две конфеты в красивой обёртке и печенье-молоточки. – Возьми-ка, тебе зайчик сегодня вон сколько гостинцев послал!

Я всегда удивляюсь таким щедрым гостинцам от зайца: откуда у зайчика столько вкусов в лесу?! А? И откуда он знает, что я у мамы есть? Это потом уже мама мне призналась, что чаще всего её на работе угощала тётя Саша (дочь Мартемьяна); когда к ней в гости приезжали сестры из Ленинграда, то зайчика каждый раз слал мне городских гостинцев.

* * *

Бабушка варит кисель. Льёт в посуду с клюквой и крахмалом воду из самовара и мешает ложкой. Я всегда с большим интересом наблюдаю, как кисель вначале белеет, потом становится красным и густым. Вот он и готов! Во время ужина приходит соседка, тётя Саша (жена Ивана) с прялкой. Бабушка зовёт её к столу, она садится с нами пить чай.

Начинаются разговоры, я же забираюсь на бабушкину постель и ловлю каждое слово. На посиделки (беседу) подходят и другие соседи. Моя мама часто им помогает то занозу вынуть, то письмо написать, то одежду починить или сшить, а то и просто совет даёт, как лучше это сделать.

Я сижу как мышка. Только бы мама не погнала меня спать! Разговоры же идут когда какие. Я сейчас расскажу, что запало мне в память, что вдохновляет меня писать стихи на своём языке и откуда я беру образы.

– *Первый разговор*

Была в нашей деревне девушка. Лучше да статнее её и не было никого. Эта девушка нос и вздёрнула, – как же, она же всех красивее! Пошла к ручью да в воду как в зеркало стала смотреться да думать: «Какая же я хорошенькая, лучше меня и нет никого». Пришла домой, отекло у неё всё тело, и с того дня начал к ней ходить во-

дяной. Позвали колдуний, да только водяной сильнее был, и девушка умерла.

– *Второй разговор*

Вокруг нашего погоста был каменный забор. И среди камней жила змея. Одна женщина уснула возле забора, и в её рот змея и заползла. Женщина заболела. Змея каждую ночь вылезала изо рта к кадке с водой напиться. Напьётся и опять в рот заползает, а женщина во сне видит, будто холодную-прехолодную воду пьёт.

– *Третий разговор*

На Воздвижение в лес ходить нельзя. А той осенью было очень много грибов, и уже начались заморозки. Бабушка боялась, что останется без рыжиков и пошла в Воздвиженье в лес. Собрала грибов и направилась уже было домой, да только смотрит – везде змеи! Змеи под ногами, змеи с деревьев свисают! Бабушка едва вышла оттуда и бежала до дома всю дорогу.

– *Четвёртый разговор*

Было время, когда Литва шла войной по нашему краю. Мужчины ушли на войну, а женщины с детьми ушли под землю.

Я тысячу раз спрашивала у всех, как так «ушли под землю?», да только никто мне ничего так и не смог ответить. С тех пор осталось выражение «как литва прошла», когда выходит какое-либо разорение (опустошение).

– *Пятый разговор*

Один коммунист не верил в лесных духов. А была у нас одна бабушка знахарка Евдокия (жена Алексея). Сильнее её в округе и не было никого. Такая добрая была эта бабушка, помогала всем: могла и пропавших животных и людей найти, могла и от болезни и от сглаза избавить. Ночью и днём топилась у неё баня, в которой она с заговорами лечила и мыла людей.

И вот этот коммунист пасёт лошадей, а мимо идёт гадать на перекрёсток тётя Евдокия, руки заложены за спину. Коммунист пошёл за ней следом. Обрато в деревню он пришёл с полными штанами и белее полотна и вот что рассказал.

Тётя Евдокия что-то почитала, поклонялась, и вышли из леса некто выше деревьев.

Спрашивают у неё:

– Зачем ты парня привела?

У парня коммуниста ноги подкосились, и он упал в обморок. После этого случая поверил в хозяев природы.

* * *

Наступило Рождество. Вечером в сених послышался топот, кто-то в темноте пытается найти ручку двери, и к нам ватагой вваливаются ряженные. Шубы и фуфайки вывернуты наизнанку, лица закрыты платками. Они мычат чужими голосами, чтоб их не узнали, мне страшно, и я сажусь возле мамы, но мама с бабушкой смеются и гадают, кто есть кто, и я тоже начинаю им помогать. Чьё имя отгадаем, тот ряженный снимает платок, ну и так наконец все становятся опознанными.

Утром я просыпаюсь от бабушкиной ругани.

– Ну, дела так дела! Да что с дверью-то такое стряслось?! Не могу никак открыть, как с улицы чем-то припёрта.

Мама пошла на сарай, открыла там дверь и прыгнула вниз, в снег. У дверей кем-то навалена куча дров из поленницы, а сани закинута на крышу крыльца. Бабушка как об этом услышала, так стала ругаться на всю деревню:

– Да кто же эти черти есть?! Нехристи кто-то, а не люди! На Святки всегда что-либо вытворяют, ну да от этой глупой выходки от смеха не надорвёшься! Теперь не молодёжь и есть, скажут, как жеребцы необъезженные, сани готовы хоть на конёк крыши поднять! Не знают, куда силу девать! Ехали бы тогда в лес да воз дров бы мне привезли, а не мою поленницу набок валили! Ой вы безумцы, сумасшедшие безумцы! Так издеваться над старым человеком! Узнаю, кто это сделал, – в глаза плюну! Тьфу!!!

– *Шестой разговор*

Во время Святки пошли девушки гадать на гумно. Дело сделали и разошлись по домам. Одна девушка пришла домой, только дверь открыла да в красный угол как глянет, – а там ей гроб видится. Летом вышла она замуж, да только в том году и умерла.

– *Седьмой разговор*

Во время Святки пошли девочки гадать на гумно. А во время гадания необходимо помнить, какими словами гадание начинаешь. Они же забыли эти слова. Домой их всю дорогу кто-то гнал, а дома бабушка быстренько надела им на головы глиняные горшки. И все эти горшки кто-то переколотил.

* * *

– Валя, где это ты опять платье так запачкала? На один час всегда одежды хватает, какая же ты неряха! – ругает меня мама.

– Да меня Аля побила, – безуспешно пытаюсь я сделать слезливую гримасу, а слёз нет.

– Да что ж это она тебя всегда так обижает?! Девочка вроде хорошая, спокойная и не драчунья. Ну да погоди...

Я пошла играть, а мама встала за углом дома, чтоб понаблюдать, что же будет дальше. Я не заставила маму долго ждать. Ввязалась в драку с Алей и стала выталкивать её из игры. Мама пришла, волоком поволокла меня домой и больно выпорола прутом.

– Сколько можно тебя учить, что врать нельзя? Погляди-ка, какая стерва бесстыжая растёт! Мама, не встречай!!! – прикрикнула мама на бабушку. – Сама обижает, мутузит всех подружек, а виноват кто угодно, только не она! Да ещё науськивает, врёт прямо в глаза и не моргнёт даже! Только посмей так делать! Сколько можно твердить, что врать нельзя?! А?! Привыкнешь, так и будет всегда тянуть приукрасить враньём каждое слово. Ещё воровать начни, и тогда я смело могу с головой в колодец броситься, – заплакала мама.

* * *

Внизу под Кяпоевой горой на одной черёмухе особенно сладкие ягоды. Если их потрясти в горшке с песком, то такая получается вкуснота!

– Бабушка, я быстренько сбегаю в низину, черёмухи наберу!

– Так с моего изволения можешь пойти, конечно, только не беги, а иди. И никогда не говори перед уходом «быстренько», бесы всегда рядом стоят, только того и ждут, – за собой утянуть. В недобрый же час скажешь «быстренько», так и навечно уйти можешь. Да, вот ещё что! Не вздумай только на дерево взобраться, а с земли собирай! Слышишь, нет?!

– Слышу, слышу!

Я спустилась к ручью и столкнулась с Алиной бабушкой. Она принялась меня ругать и обзывать, взяла в руки крапиву и отхлестала до волдырей. С рёвом я вернулась домой. Бабушка посмотрела на мои ноги, приподняла подол платья и разгневалась так, что я испугалась.

– Кто тебя так?

– Алина бабушка...

Бабушка схватила палку для выбивания белья:

– Ну, погоди, курва ободранная!!! Я сейчас пойду, так ей честь воздам, – мало не покажется! Все окна повыбиваю!

...И потом такая ссора была из-за внучек на весь наш Агвех конец (район деревни)...

* * *

Капельки дождя собираются в большие капли и стекают дорожками по оконному стеклу. Я сижу у окна и баюкаю куклу:

– Баю, баю, засыпай, зайчиков поймай, волчаток обойди, медведей не трогай, ёжиков погладь, петушков прогони! Стали зайчики скакать, мою лялечку качать!

Люлька сделана мною из спичечного коробка и подвешена на занавесочную верёвку, маленькая куколка свёрнута из тряпочки, на подоконнике стоят игрушечные глиняные столы, скамейки, посуда. В моей игре тепло, чисто и красиво, так же, как и в нашем доме. Бабушка в устье печи установила таганок, под ним разожгла огонь и поставила на него вариться горшок с картошкой. Огоньки играют, лижут горшок, чёрное устье печи сразу стало нарядным, весёлым, и я уже люблю эту дождливую погоду, – так здорово и уютно сидеть дома, когда за окном идёт дождь!

Только бы дождь не затянулся!

* * *

Все дети играют на тёти Машинной меже. Там на склоне песок, девочки строят дома, печи, а мальчики на самодельных машинках ездят между нашими домами, гудят и буксуют. Игра наша всегда заканчивается тем, что шофера ломают все наши печи и дома и мы начинаем носиться по меже. Тёти Машин дом высокий, в два этажа.

Что мне пришло в голову – не знаю, только я побилась об заклад, что долезу по срубам до крыши, и стала карабкаться вверх как паук. У стены же лежал большой камень, и если бы я тогда упала, то разбилась бы тут же. На моё счастье мама шла с работы, издали увидела меня уже почти под самой крышей, и душа у неё «упала в ноги».

– Валинька, – тихонько сказала мама и встала на камень. – Ну-ка, дочка, спускайся на землю, только не смотри вниз, а держись за брёвна крепче. Вот так, ставь ногу и держись только, вот хорошо, вот умница!..

Мама поймала меня внизу, обняла и стала целовать, не сдержалась – дала шлепок, а дома опять отругала меня как следует, и тут уж мы, обнявшись, плакали обе.

* * *

Вечером я сижу на бабушкиной постели и нет-нет да и хлюпаю носом. Все беседницы меня стыдят, что непозволительно так себя вести, зачем я

маму огорчаю? Вздыхают, как тяжело воспитывать детей и как выросшие дети легко забывают своих родителей.

– От детей мужского пола так есть ещё толк какой, хоть помогут чем-либо по хозяйству, а дочка – отделённый ломоть, – говорит одна.

– Ой, не говори-ка так, и от сына заботы не дождёшься, если невестка плохая попадёт! – возражает другая. – Вон у Пелагеи какой сын был хороший, а как женился, так и по жениной указке жить стал. Не зря Пелагея сказала: «В миску с мёдом всю ночь макает, так и мать позабыл!»

Я не всё понимаю, о чём говорится, и спрашиваю:

– Мама, а разве девочкой плохо родиться?

– Да вот если б родила сына, то не хуже бы мне было, а родила я девку горе мыкать, как сама мыкаюсь.

У меня даже слёзы брызнули из глаз, так я обиделась на маму за эти нечаянно обронённые ею слова...

– *Восьмой разговор*

У одной молодой женщины умер муж, Иван. Она сильно затосковала по нему, всё плакала и просила его показаться ей во сне. Однажды ночью свекровь проснулась и слышит, как невестка с кем-то говорит и как будто кого-то ласкает и целует. Смотрит, нет никого. Она сразу смекнула – невестка разговаривает с оборотнем. Утром свекровь стала выпытывать у невестки, что да как? Невестка отвечает: «Ко мне ночью ходит Иван. Вечером не велит мне двери запирают, и только вы все спать ляжете, так он и приходит. Давно уже ходит, сладко мне спать с ним, да только с каждой ночью он становится всё тяжелее и тяжелее, и я лежу под ним, как под камнем».

Свекровь крестила двери и окна с заговором, был сильный грохот, и слышался голос: «Вовремя хватились, а то забрал бы с собой невестку».

– *Девятый разговор*

Парень женился, да только взял замуж не ту девушку, с которой гулял. Жениться-то женился, а спать с женой не может, сглазили его. Жена остаётся нетронутой. Позвали колдунью. Ночью колдунья его поставила стоять в погреб и облила водой с заговорами, ну и вернулась к нему мужская сила, забеременела жена.

– *Десятый разговор*

У одной молодухи умер муж. Свёкор был злой, обижал невестку, загонял тяжёлой работой, и эта невестка взяла на ум – повеситься. А где повесишься-то, когда кругом один пригляд? Она на

сеновале и сделала петлю и ждёт, когда одна останетса. А бесы её зовут, нигде не может места найти. Свекровь идёт на сеновал за сеном и видит, висит петля. Свекровь эту петлю берёт и вешает в подполье, бросает туда же и веник. Утром просыпаются, а веник бесами подвешен в петлю.

* * *

За такими разговорами и проходило моё беззаботное детство. Пришла первая школьная осень.

Мягозеро. Школа с 1-го по 4-й класс

— Бабушка, а гости из города на нашем языке разве не говорят? – спрашиваю я у бабушки.

– Нет, деточка. Откуда им его знать? В Винницах то уже на нём мало говорят, а уж в Питере его и знать не знают. Только в наших местах вепсы живут.

– А разве вепсы не во всём мире живут?! Разве все люди нашего языка не знают? – удивляюсь я.

– Нет, Валинька. Только в наших краях мы живём, да в Карелии, да в Шимозере.

– А почему?

– А потому, что длинный дьяк и попа пономарь!.. Да откуда ж я это знаю?! Не знаю, внучечка. Не мешай-ка мне работать! Иди-ка в школу, а то опоздаешь к уроку, – говорит бабушка и берётса мыть посуду.

Я выбегаю на улицу. В школе только четыре класса да два учителя – Мария Евдокимовна и Нина Егоровна.

– Здравствуйте, подружки! – кричу я детям.

– Здравствуйте, Нина Егоровна! – здороваюсь я с учительницей.

– Валя, садись за парту. Начинаем урок.

На перемене стоит гул. Учеников около 30 человек, и все говорят на родном языке. На уроках на нём говорить не позволяют.

* * *

Школьная тропка протоптана средь ржаного поля. Летом я хожу по ней в магазин и библиотеку, подолгу смотрю, как ветер гонит золотые волны по ржи, они бегут снова и снова, им нет конца, они накатываются на покосы, накрывают деревню, и она начинает казаться мне бескрайней, затерянной в золоте ржи. Я ныряю под сомкнутые надо мной колосья, собираю васильки, напеваю и плету венки. Но это летом, а сейчас с дальнего края поля рожь уже сжата, снопы уложены в суслоны, а из гумна

слышится стук цепов, там молотят зерно. В другие дни мимо риги я мчусь без оглядки, она меня пугает таинственностью и скрипом двери, но сегодня там работает мама, и я заглядываю к работницам. На гумне стоит пыль, в риге горят угли, бросая красный отсвет на чёрные стены, пахнет печёной картошкой и чем-то хлебным. Женщины, завидев меня, улыбаются, развязывают платки и садятся на отдых. Я помогаю маме вытаскивать из жара печёную картошку и раздаю её работницам.

– Видишь, Валинька, как ты хорошо сделала, что к нам заскочила да от работы оторвала. В ушах уже стучит, в голове звенит, хоть в тишине немного посидим! – хвалит меня тётя Прасковья. – Ну и тяжелое же время – уборка! При жатве поясицу как заломит, едва выпрямишьса, а от молотьбы так кажется временами, что голова треснет.

– За жатвой-то ещё поёшь, с песней легче работать, а от этой работы только окочуриться и можно. Не зря весь народ из дому разъехался кто куда, доли лучшей искать. В скольких деревнях уже дома оставлены и окна заколочены? – подхватывают женщины. – ...Ой-хо-хой! Детишек растим, обучаем, а если работы достойной им не будет, так и разъедутся по городам все.

– Так ведь говорят, у одной женщины при молотьбе что-то в голове лопнуло, и она тут же и умерла, бедняга. Голова-то не каменная, мужчин так на эту работу не ставят, только баб мучают. Теперь-то хоть декретные отпуска есть, а раньше? Беременные женщины до родов вкалывали, сколько детей на краю ржаного поля родилось?! Пупок перевяжет мать ниточкой, из сорочки выдернутой, завернёт новорожденного в подол да и домой отнесёт. Никто и никогда женщин не жалел в наших местах!

Мама меня провожает, я обнимаю её и с тревогой спрашиваю:

– Мам, а ты во время молотьбы ведь не умрешь? Нет?

Мама гладит меня по волосам:

– Нет, кровиночка ты моя, не бойся, эта женщина уже старая была, а я-то ещё молодая. Иди, соколик мой, домой и слушайса бабушку.

Рожь закрывает меня с головой, но я ещё долго слышу стук, доносящийся из гумна.

Что летом возрастишь, то осенью и соберёшь, по достатку зимой длинной и ноги протягиваешь.

* * *

Поздней осенью невесёлой становится наша деревня... Дождями смывает все дороги, ходить можно лишь вдоль изгородей да по межам. Го-

лые поля чернеют, всё вокруг становится серым, а в небе с плачем летят журавли. Весной их много прилетает на наши болота и озёра, стаи собираются большие, и теперь они летят и летят над нами, горестно курлыкая. Женщины останавливаются, машут им руками и просят журавлей:

– Клином, клином!

И журавушки послушно выстраиваются в косяки.

– Когда будете над могилами пролетать, передай-те привет родителям и родственникам! – просят женщины и плачут, вытирая слёзы концами платков.

... Рвут сердца –
отлетают журавли
в холодную да чужую,
но тёплую страну...

* * *

Я делаю уроки, наступает вечер, и я опять, открыв рот, слушаю бабушек.

– *Одиннадцатый разговор*

У одной матери была гулящая дочь. В девках родила ребёнка. И потом опять таскалась и опять забеременела. Родила ребёнка, а мать взяла иглу и проткнула ребёнку родничок. Ребёночек умер...

– *Двенадцатый разговор*

В Мягозере пастуху надо было куда-то ехать. Он позвал в пастухи человека из Корбозера. Научил его:

– Даю тебе рожок, ты вечером трижды подуй в него и собери коров. Они сами подойдут. Ты же иди впереди и назад не оглядывайся.

Этот человек собрал животных, идёт, и так ему хочется оглянуться назад! Не удержался, оглянулся, а сзади идут три старика леса выше. На следующий день пастух неожиданно возвращается домой и спрашивает у корбозёрского пастуха:

– Приятель, ты зачем обход-то нарушил?

А тот в ответ задаёт вопрос:

– А ты откуда об этом узнал?

– Да кого ты видел, так те мне весть и послали. Восстановил обход и потом сам пас стадо.

* * *

1 марта. Пробудившись утром, я тут же проверяю, а есть ли что-либо на столе и под подушкой? ...Ага, есть уже подарочки! Мамой положены на стол кофточка и ириски «Буратино», а под подушкой лежат две шелковых ленты. Я такие смятые ленточки глажу с помощью самовара. Мокрыми тру их об его горячий бок, и они становятся как новенькие.

– Бабушка, бабушка! А солнышко уже тепло светит?

– Пылает, снег такой белоснежный – слёзы даже текут, глаза режет, невозможно смотреть, может статься, и с крыш скоро капать уже начнёт.

– ...Ириски вкусные, кофточка как раз, тру-ля-люшки, тру-ля-ля, очень уж я рад! – примеряю я кофту, сосу ириску, кручусь перед зеркалом, строю рожицы и напеваю всякую чепуху.

– Ну и попрыгунья же ты! Что это ты мямлишь, и понять нельзя? А заметила ли ты на радостях-то? У тебя ведь над кроватью опять новая вышивка вывешена...

Я перевожу взгляд от подарков на стену и вижу вышитый мамой новый коврик с надписью «С добрым утром, Валя!».

– Ой, бабулинька, в какой чудесный день меня мама родила! Ура! Ура! Ура!

* * *

Гагарин в космосе! Весь народ обсуждает это удивительное событие. А бабушка не верит:

– Да как же это он может летать вокруг неба?! На краю поля где-нибудь упал, а нам врут, что летает вокруг Земли! В старину говорили, что Земля на блюде лежит, а теперь учат, что в небе висит! А кто что знает?! Да никто ничего не знает!!! Попами обещано такое страшное время, когда земля треснет, огненные камни с неба падут, воды землю утопят и останутся на бревне только четверо мужчин. По всему видать, – эти времена уже наступают, коль ракетами небо пронзать стали...

Я не слушаю бабушкины страсти и бегу на улицу радоваться вместе со всеми.

На следующий день, 13 апреля 1961 года, в газетах вышло фото Юрия Гагарина с его изумительной улыбкой, и бабушке он очень понравился: «Какой хороший человек! И улыбка-то у него такая приятная! Этот человек неба не разобьёт!»

* * *

Весна. Я отличница и с грамотой оканчиваю четырёхлетку. Осенью надо разлучиться с домом и учиться придётся в Озерской школе, а жить – в интернате.

* * *

Лето открывает Троица. К нам съезжаются гости, родня. Я ряжусь в бабушкины одежды и пою песни, читаю стихи, сочиняю рассказы, пляшу, но все ведут вепские разговоры, почти никто на

меня не смотрит, да и не слушает почти никто, если только одна мама. Даже обидно стало – будто бы для себя я пляшу да пою – надрываюсь тут перед ними почём зря!

* * *

Вечером меня берут в клуб. Народу собралось столько, что все не вмещаются, мужики и парни стоят на крыльце, на улице, курят. Бабушки и дети сидят вдоль стен на скамейках, играет патефон, а посреди пола кружатся в вальсе пары, широкие женские платья выются как на ветру. Тальянка заиграла кадрили, этот танец все обожают, и танцующих набралось много. Завклубом венником сбрызгивает пол, чтоб прибить пыль, и начинается весёлая кадрили.

У моей мамы очень хороший голос, она прекрасно танцует, девушкой выступала на концертах, и её каждый раз приглашают сплясать «русского». Вот и сегодня гармонист развернул в руках тальянку, женщина встала со скамьи и заплясала с частушками, потом встала напротив мамы и начала зазывать её в круг. Мама отказывается, не идёт, а я толкаю, гоню её на середину пола, ведь я так люблю, когда мама танцует!

Мама вышла на танец. Платье у неё крепдешиновое, голубого цвета с пёстрыми букетиками и с широкой юбкой, талия тоненькая, туфли на каблуках, волосы на затылке собраны в пучок, а у висков сами ложатся колечками. Синие глаза как звёздочки. Она такая очаровательная! С улыбкой, легко как бабочка, она пропорхнула в танце и стала зазывать другого человека, а я сию, смотрю и думаю: вот когда я вырасту, то буду одеваться как мама, волосы точно так же буду убирать и стану точь-в-точь такой же, как она.

...Уснуть я никак не могу и прошу маму:

– Мамочка, спой!

– Да что ты, Валинька! Бабушка же уже спит, разбудим, заругается.

– А ты тихонько пой мне на ухо, чтоб она не услышала.

Мы укрываемся одеялом, мама тихим голосом поёт мне, и эти спетые ею песни стали самыми моими любимыми...

* * *

На другой день в доме только и разговоров, что о вчерашнем вечере: кто, где, как, с кем и надолго ли.

– А раньше так же плясали? – спрашиваю я.

– Получше ещё, мужики только каких коленец

вокруг женщин не выделявали, на коленях плясали! – отвечает мама. – Мой дядя Ларион уже старенький был, а в клуб ходил и молодых женщин и девушек по половице водил.

– Как это?

– А вот возьмёт под ручку и ходит туда-сюда по половице, старый же, сил плясать уже нету, а с молодой-то хочется за ручку идти. Да ещё и хвастался, всем говорил: «Я женщин в платках на танец не беру, я приглашаю только в шляпках». Смешил всех...

* * *

Навестить бабушку пришла её сватья, баба Паша из Ярославич. Моя тётя, «крёсна», замужем за её сыном, дочка Катя вышла замуж за механика из нашей деревни, и баба Паша в праздники заходит к нам в гости. Меня она угостила конфетами, бабушку одарила пачкой чая, она всегда приходит с гостинцами и с новостями. Сегодня она стала рассказывать, как недавно ходила к Божьей пещере и теперь стала лучше спать и меньше тревожиться. Все заговорили об этой пещере, и мама стала вспоминать, как была поражена её видом: на склоне горы на известняке будто кто вытесал огромную фигуру монаха с ремнём на поясе.

Я люблю бабу Пашу, у неё совершенно белые волосы, они лежат волнами, как будто мокрыми были зажаты между пальцами да так и остались навсегда. Баба Паша красивая и добрая, и когда я узнала историю её жизни, то никак не могла поверить, что такой яркой женщине выпала такая злая судьба.

Когда началась война, то у них в семье было четверо детей. Мужа взяли на фронт, он служил интендантом в Ленинграде. Всю войну писал письма, но перед победой они перестали приходить. Война закончилась, фронтовики начали возвращаться домой, и женщины их навещали, чтобы что-либо узнать от них о своих родных. Пришла навестить соседа и баба Паша и спросила, не видел ли он где её Андрея, убит ли он или же без вести пропал? Сосед сказал, что Андрей жив и живёт в Ленинграде. Баба Паша не поверила, сосед дал ей адрес, и она поехала к нему. Её Андрей был жив, здоров, жил богато, он ещё в срок третьем году, во время блокады, заделал ребёнка молодой женщине и теперь жил припеваючи с молодой супругой и ребёнком. Возвращаться в семью он даже и не думал, и баба Паша вернулась домой, одна воспитала и дала образование всем детям.

Не просто так родилась в народе поговорка «не родись красивой, а родись-ка счастливой».

* * *

Бабушка первый раз выпустила телёнка на улицу. Он бегаёт и скачет на радостях. Бабушка привязывает его верёвкой к забору, да видно некрепко, и телёнок убегает. Ищем везде – нет нигде. Бабушка берёт меня с собой к ведунье, тёте Евдокии, жене Алексея. Ей жалуется, что у нас пропал телёнок. Тётя Евдокия спрашивает:

– Есть ли приметы какие у телёнка?

– Дак такой бурый, без пятен, на шею привязана чёрная верёвка.

Тётя Евдокия пошла куда-то, вернулась и говорит:

– Нет такого телёнка. Вспоминай, есть ли ещё какие другие приметы.

– Ой! Дак я и начисто забыла! На шее-то не чёрная верёвка, а коричневый чулок привязан. Нет уже мозгов совершенно!

Опять ведунья вышла и вернулась назад со словами: «Иди на Федькин взгорок, там возле забора телёнок и стоит».

Быстро мы с бабушкой побежали туда, и телёнок наш был тут как тут!!! Стоял на месте, указанном ведуньей. Как так может быть?! Я потеряла покой и замучила бабушку вопросами: откуда ведунья всё знает, с кем разговаривает, кто ей всё говорит, кто они – эти лесные вещуны, где они живут, злые ли они и могут ли их увидеть?

Бабушка прервала меня:

– Меньше знаешь, крепче спишь и реже поскакиваешь! Не лезь куда не надо. Работа колдуна тяжёлая и не каждому даётся, умирают они в больших мучениях, если не смогут никому своих заговоров передать. Живи подальше от этого, внука.

* * *

Соседка баба Анна тяжело болеет. Придёт, сидит на припечный ящик, от сильной боли свернётся в комок и ругает свою болезнь:

– Вот ведь к погибели опять разхворалась!

Из бесед я слышала, что её мучает какой-то зоб и этот зоб когда-нибудь да её задавит. Я смотрю на бабу Анну с жалостью и со страхом, воображается мне этот зоб змеей, которая растёт у неё в горле и уже не вмещается туда, такая она огромная. И вот как-то нам принесли весть, что баба Анна задохнулась, умерла.

– Бабушка, я не пойду на бдение у гроба, я боюсь покойника, там змея под гробом есть.

– Нашла чего бояться! Нет никакой змеи, болтаешь всегда безбожно. В шаге ходьбы ребёнок родится, у соседа свадьба гуляет, – можешь не идти,

а человек умрёт, так и сорок вёрст пройди, чтоб проститься. От века на поминки ходят, ну и мы сейчас с тобой пойдём. Говорят, умерший сорок лет сорочин ждёт. Пошли, Валинька! – берёт меня за руку бабушка. – Мёртвого чего бояться? Зло лишь живые творят. Некоторые люди греха не сильно-то страшатся и мёртвой водой порчу наведут.

– Неужели колдуют даже мёртвой водой?!

– А неужто же нет! Да некоторый злопыхатель только того и ждёт, чтоб в отместку за что-либо в гроб загнать! Когда покойника обмывают, то караулят, чтоб недобрым людям ничто не перепало: воду левой рукой под кол заборный выливают, а тряпочку и мыло сжигают. В этих вещах сила недобрая... Если напоят человека мёртвой водой, то он начнёт чахнуть и умрёт. Вот и не надо бояться мёртвых, а опасайся-ка живых!

Ну, пойдём уже, Валинька! Баба Анна добрая была, а доброго человека добром и поминают!

* * *

– ...Бабушка, а как можно узнать, что человек умер?

– Да если душа вышла, так он и умер.

– А как узнать, что душа вышла?

– Это смола, а не ребёнок! – ворчит бабушка. – Не вздумала ли уже умирать, выпрашиваешь-собираешься? Душа в надёжном месте находится, вдруг не выйдет, не бойся.

– А где находится это место?

– Да вот здесь, в сердечной впадинке, – трогает бабушка сорочку чуть ниже груди. – Глянь-ка, как трепыхается сегодня!

– Собирается выходить?! – пугаюсь я. – Не умирай, бабулечка! – Обнимаю бабушку.

– Почему я умру из-за этого? Работу выполнила потяжелее, так вот и бьётся сильнее. Состарилась уже, вон пятна смерти на теле проступают, червячки в землю зовут... Да и погода, наверное, поменяется, день такая духота стояла, думала, дождь будет, но нет, туча мимо прошла, а теперь, смотри, закат какой красный – к дождю. – Зевает бабушка и совершенно не замечает моей тревоги.

– Какие пятна смерти?! Где?

– Да вот же, – показывает бабушка коричневое пигментное пятно на лбу.

– ...Бабушка, а живым человека можно в землю закопать? Ну, как-нибудь, нечаянно?... Вот, может, все подумали, что душа уже вышла, а она просто тихо сидит себе в сердечной ложбинке.

– Говорят, давно как-то похоронили умершего старика. А старичок-то не умершим был, а спал в беспомысленности. И идёт на Тойвозеро рыбак мимо

кладбища и слышит из его могилы оханье, плач. Побегал рыбак в деревню, созвал народ, да пока гроб раскапывали, старичок и взаправду умер.

Я от этого разговора напугалась так сильно, что стала бояться оставаться дома одна, стала плохо спать и вздрагивать во сне. Мама начала успокаивать меня тем, что душа живого человека след на зеркале оставляет, а у мёртвого зеркало чисто. Но страх, что могут похоронить живого человека, ещё долго меня преследовал.

* * *

Погода стоит прекрасная, и я бегаю купаться. Озеро дальше, идти надо мимо родников. На одной луговине их бьёт аж двенадцать! Один родник у самой дороги, у него есть желобок, и рядом кем-то положен берестяной черпачок. Мы здесь всегда пьём холодную родниковую воду. Детям наказано никогда родники не грязнить, нельзя плевать, нельзя ничего бросать в воду. Всем мальчикам строго наказано никогда не писать в родник, а то бирулька отпадёт и жечься не смогут.

Эти родники помогают в болезнях. Есть у коров какая-то болезнь, после отёла молоко поднимается в голову. И вот хозяйка берёт в двенадцати родниках воду, моет ею вымя, и корова поправляется. Всегда, проходя мимо родников, мы снимаем упавшие туда листья и сор, так нам наказано старшими.

* * *

Наступила пора сенокоса. Мне надо помогать сушить траву, и из-за этого нельзя будет ходить купаться. Как мне подобный оборот не нравится, кто бы знал!

Утро начинается с расстилания сена. День обещает быть погожим, и бабушка велит раскидать все копны. После обеда сено переворачиваем, а к вечеру собираем в валы. Мама уже соорудила место для стога: заложила основание, воткнула стержень (стожар), укрепила его тремя рогоулинами-подпорками. На жердях-носилках подносим сено, мама начинает метать стог, а я его топчу и расту со стогом всё выше и выше. Вот уже мама даёт мне последнюю охапку, я её укладываю вокруг стожара и кладу сверху переплетённые прутья, чтоб ветер сено не унёс. Мама протягивает мне жердь, я по ней соскальзываю вниз. Бабушка, улыбаясь и прикасаясь подолом, обходит стог, чтоб никто сено не тронул.

...Утром она сильно удручена: на вершину стога уселся филин. Это считается дурным знаком,

когда лесная птица прилетает к дому. Говорят, надо спросить у неё:

– К добру пришла или к худу?

Она же в ответ должна ухать:

– Ухххх к добру!

Или же:

– Ухххх к худу!

Бабушка спросила, но филин в ответ ничего не ответил, только таращился большими глазами да и улетел в лес.

* * *

Я болею, мечусь в сильном жару. Я с младенчества так болею: бегаю, бегаю, пока сил хватит, от перенапряжения падаю и два-три дня сплю без памяти.

Сегодня я временами теряю сознание, горю и вся в поту, а в видениях вижу невообразимое.

– Мама, я такой сон чудной видела... Как будто ты сидишь на пне на холме у бани Захаровых. Небо такое тревожное, багровое, а на коне скачет всадник в чёрном плаще, в руках у него сабля, и он намерен этой саблей тебя ударить, посечь, а я по круче к тебе лезу, лезу и никак добраться не могу, умоляю: «Не трогай мою маму!» А чёрный мужик этот всё ближе и ближе, и тут я протянула руку и коснулась тебя, и ты упала... Нога твоя застряла под пнём, а всадник этот пропал.

– Не раздумывай-ка ты, Валинька, над каждым сном. Куда ночь, туда и сон...

– Мам, а ты помнишь, как у магазина жеребец носился? Я от него спасалась, упала, а он через меня как скакнёт! Оскаленными зубами он мне кожу с ног содрал, брюхо у него всё в толстых венах было, а копыты было не четыре, а сорок! Я тогда глаза закрыла от страха, но всё видела как в кино. Вот и этот конь из сна такой же страшный, и дядька плохой.

– Ладно, доча, всё прошло уж и заросло давно, забудь, – поцеловала меня мама и пошла на работу, а вечером её привезли домой на телеге. Она сломала именно ту ногу, которая в моём сне попала под пень.

Позже бабушки на беседе вспоминали, какие сны люди видали, как эти сны часто сбывались и как некоторые малые дети могут предсказать, что нас ожидает впереди.

* * *

Куба, любовь моя!

Остров зари багровой,

Солнцу свободы над Кубой гореть!

Родина или смерть!

Качели возносят нас к небу, песня слышна далеко, и мы счастливы от того, что живём в такой огромной и великой стране – СССР, мы горячо любим Фиделя Кастро и жалеем негров Америки.

...Мамина кровать стоит за шкафом, на его стенке висит китайский плакат с красивой девушкой во фруктовом саду. Я люблю его рассматривать, нравятся мне косички с бантиками, кофта с воротом-стойкой и юбка с вафельной сборкой на бёдрах.

– Мам, вот это – виноград, это – яблоки, персики и апельсины, а вот это – что? Что это за фрукт? – указываю я маме на коричневый фрукт, напоминающий ёлочный шар.

– В магазин такого не привозили, не знаю, что это. Вот вырастешь, уедешь в город и выяснишь, как он называется.

Уже взрослой я узнала, что это был гранат. И сшила я себе блузку с воротом-стойкой и вафельной сборкой на плечах, так впечатлил меня тот наряд китаянки.

Недавно при ремонте дома, отодвинув шкаф от стены, я этот плакат обнаружила. Радость от находки была удивительна и беспредельна...

* * *

Бабушка печёт хлеб. Большой кусок теста ловко мнёт сильными руками, её серебряное колечко постукивает по столешнице. Сколько себя помню, так всегда – я ещё сплю, но знаю, что если это колечко постукивает, значит, бабушка что-то печёт. Огромнейший каравай кладёт на лопату и скатывает его в печь – «колобок-кругляшок, раскачайся в печку!» Хлебный дух самый прекрасный на свете! Вся улица пахнет хлебом! Бабушка вытаскивает ковригу и улыбается: сегодня хлеб без разрывов, гладкий. Отрезает мне горбушку, посыпает её сахарным песком. Песок тает, и я бегу к подружке со сладким куском во рту.

А в голове вертится:

«Пока Никита моргал глазами,
Роман краюху хлеба съел!»

* * *

Галки живут под крышей и опять вывели птенцов. Каждый год хоть один птенец да выпадает из гнезда, и этим доставляет мне массу хлопот. Я подбираю галчат, воронят, кладу в курятник, затянутый сетью, и пытаюсь птичек вырастить и отпустить потом на волю, но они всегда у меня погибают. Я не смогла выходить ни одного птенца.

Как я ни старалась: копала червей, наливала молока, давала творог, клала камушков, но они ничего не ели и околевали. Каждое утро я бежала к курятнику и боялась увидеть мёртвую птичку. Никто мне не сказал, что маленьким птичкам еду надо класть в клюв, они сами не умеют клевать.

* * *

Бабушка меня поучает в том, что каждое животное должно жить в своём месте. Нельзя домой приносить зайчиков, ёжиков.

Я спрашиваю:

– А почему?

– К плохому, что-либо плохое в доме случится.

– Что случится, бабушка? – не отстаю я.

– Зайца мать бросает, не вскармливает. Растёт заяц на чужом молоке, бедняга брошен матерью и трясётся под кустом, всех боится. И когда в лесу увидишь зайчика, то никогда не бери его домой, пусть в лесу растёт, такая у него судьба – расти сиротинкой. А возьмёшь зайца, так и его судьбу в дом занесёшь, хозяйка-мать может умереть.

В доме же не трогай паука, а на улице не обижай божьих коровок. Паук на тот свет вести носит, может жить и на этом свете и на том, а божья коровка земное молоко Богу собирает. Почём зря-то ни одну животинку не надо убивать, только если она когда тебя тронет да вредит.

* * *

В омуте у дяди Мишиного дома живут головастики. Я хожу туда замачивать веник, чтобы подмести пол в сенях и не поднять при этом пыли. Эти головастики такие смешные! Из них получаются лягушата, хвостики у них отпадают, а ножки вырастают. Только в некоторых лужах вокруг омута вода высыхает, и эти головастики бьются в грязи, агонизируют. Я их собираю и выпускаю в омут, они радостные уплывают, а я улыбаюсь. До встречи!

Когда я где-либо встречаю лягушонка, у меня делается хорошо на душе – я вспоминаю детство.

* * *

– Мама, Валя принесла ли воды для полива огурцов? Я ей велела натаскать маленькими ведёрками из дяди Мишиного омута, – спрашивает мама у бабушки.

– Ага, принесла она, её «приноса» до снега не дождёшься! День носилась где-то! Все кресты в округе посчитала! Попросила посуду помыть, так

она и из дома улизнула, я и не заметила когда. Раньше детей было легче растить, слушались старших, а теперешние... Ни в ком не стало стоящего содержания, никчёмные все! – махнула бабушка рукой.

* * *

Наступает Ильин день. В нашей деревне большое гуляние, престольный праздник, мама сшила мне новое крепдешиновое платье и связала к нему воротник. Такое красивое было платьице, коричневое с желтыми пятнышками. Гулянье на Погосте (район деревни). У нашего клуба когда-то от удара молнии упала берёза, остался от неё только высокий пенёк. Ну, я и вскарабкалась на этот пенёк, крикнула «ку-ка-ре-ку!» и прыгнула, да вот только широкое моё платье зацепилось подолом за щепу и разорвалось по всей спине.

Весь нарядный народ гулял, пел и плясал, а я в слезах пошла домой.

* * *

Бабушка боится грозы. Только увидит тучу, на все окна ставит посуду с молоком, закрывает платком зеркало, самовар и закладывает трубу заслонками. Мне повязывает платок. А я смеюсь над бабушкой и боюсь ведь тоже, но как-то по-другому. Я смотрю, как грозная чёрная туча закрывает всё небо, как разряжается и грохочет первый гром, как остро блистает молния. Бабушка меня ругает и зовёт дурочкой, а сама залезает под кровать. Моя же душа вся трепещет от страха, и я временами даже ликую, так меня восхищает и пугает сила Бога. Крупный град забарабанил по окнам, бабушка, крестясь, вылезает из-под кровати, берёт сковородку и из дверей левой рукой швыряет её на землю. Град прекращается!

– Отойди-ка от окна! – повелевает бабушка. – Посмотри, какой ветер сильный! В Нюрговичах один год такой смерч был, гумно с двумя ригами и курами перебросило на другой берег озера да там и поставило.

– А куры целы остались?

– Не знаю. Вот тебе что ни скажешь, так потом язык устанет отвечать! ...Остались, да ещё и яйца снесли.

Сине-белая молния вспыхнула по всему небу, громыхнуло с такой силой, что казалось – земля треснула.

– Свят, свят, спаси, Боженька! – от испуга опять крестится бабушка. – Грозы опасаться надо... В Подовинниках как-то была такая гроза,

что молнией убило мать, когда она кормила ребёнка. Девочка на коленях у матери так и осталась сиротинкой.

Я задрожала, обняла бабушку, и мы спрятались в закуток.

– *Тринадцатый разговор*

Жила большая семья, сбоку к сенам и хлеву у них была пристроена вторая изба. Две невестки никак не могли ужиться друг с другом и ругались непрестанно.

Как-то во время грозы молния ударила в хлев и убила корову, хлев загорелся. Две бабы разделались донага и с молоком в руках обошли оба дома. Сгорел только хлев, больше ничего не возгорелось. У коровы живот был раздут барабаном, вся деревня пришла смотреть, и народ дивился, как же не сгорело всё хозяйство. Говорили, что Бог больше не мог терпеть и смотреть на бесконечные ссоры, вот и наказал жильцов. После пожара дома разъединили. Невестки стали жить отдельно.

* * *

После дождя все лужи полны тёплой жёлтой водой. Я с ребятами бегаю по ним, соревнуемся, кто же поднимет больше брызг. Мокрая и усталая сажусь отдохнуть на крыльцо амбара и вижу, как от его стены отвалилась доска и открылось мышиное гнездо. Малюсенькие розовые мышата сидят в гнезде кучкой и раскрывают ротки! Я сильно удивляюсь и смотрю на них во все глаза, я и не предполагала, что они такие крошечные и беспомощные. Огромная забота охватывает меня: этих мышаток надо спрятать, а то мальчишки увидят их и убьют. Я засовываю гнездо подальше, закрепляю доску и припираю её палкой. А сама думаю: придёт мышкина мама и мышаток найдёт. И сильно обрадуется.

* * *

Радуга крутой дугой раскинулась над деревней, опустив один конец в ручей за нашим домом. Бабушка как-то мне обмолвилась, что так Бог коня своего поит. И ещё добавила, что есть примета: если какой человек сможет добежать до основания радуги и не вздохнуть ни разу, то найдёт там горшок с золотом и будет счастлив всю жизнь.

Я тут же принимаю решение добежать до ручья, хотя и понимаю, что без дыхания добежать не смогу – далековато, ну да, возможно, боженька не заметит моей хитрости, если я буду дышать через рот? Я зажимаю нос и бегу к ручью.

Ах, какая яркая здесь радуга и как наряден, красив божий конь! Вода вся сверкает, искрится разноцветными искрами, а на дне играет каждый камушек! Я стою прямо в радуге, глажу её, она играет на траве, на руке, на платье красочными полосами, я хлопаю в ладоши, но радугу нельзя поймать, прыгаю, но коня божьего никому и никогда невозможно оседлать, – верхом на радугу не вскочишь, – и мне становится так весело! В воде и вдоль берега высматриваю, не сияет ли где золото в горшке, но ничего не нахожу. На зелёном лугу от избытка счастья я начинаю кружиться и кружусь до того, что всё начинает мелькать у меня перед глазами, и я падаю в траву. Долго лежу, смотрю, как летит самолёт, оставляя след-хвост, и как этот хвост расширяется, расширяется и тает, исчезая в синем бесконечном небе, а головки цветов и травинки шепчутся и колыхнутся надо мной.

И так тихо-тихо вокруг, будто я совсем-совсем одна на всей земле...

* * *

Август я люблю больше всех месяцев. Это такой щедрый месяц, в нём так много всего: много праздников, в лесу уже созрели ягоды и ещё полетному тепло. И грозы уже не страшные, в рожь зерно закладывают. 14 августа празднуется Макковеев день. В нашей семье поставлены обеты (заветы), и я с бабушкой иду к Юргозеру. На горке зажжены свечи, положены деньги, полотенца, ситец, масло, яйца. Некоторые женщины поднимаются на горку на коленях.

– Бабушка! Смотри-ка, на коленях идут! А почему? – тяну я бабушку за подол.

– Так завет такой кладен пред Богом. На этой горке стояла часовня Георгия Победоносца, Юргозеро-то по его имени зовут. То Юргозеро называют, то Нижнее озеро, два имени есть. Часовню-то сожгли, а горка сделалась заветной. Побудь-ка чуток молча! – дёрнула бабушка меня за руку.

Агафонова баба Настя стала читать молитву и окунает в озеро икону. Народ пришёл со всех деревень, у кого поставлены заветы, те купаются. Некоторые женщины голые. Большие их груди свисают, мне совестно, а они нисколько не стесняются. После купания мы идём на кладбище. На обратном пути набираем в бутылки святой воды из озера. Эта вода стоит год и помогает в болезнях.

* * *

Лет десять тому назад я сколотила и установила на этой горке поклонный крест. Но поднимаются на неё уже лишь единицы, тропа заросла, и нынешние жители вряд ли ведают, что горка эта – заветная. Рядом, невдалеке, на средства питерских дачников Сергея и Натальи построена новая часовня, и только эти набожные люди расчищают проход на горку. У вепсов память о ней заросла малиной...

* * *

Позже, когда я стала старше, я любила август какой-то особо щемяще-грустной и горькой любовью. В этом месяце у меня было заключено всё: и лето, и звёзды, и дом, и мама, и тепло, и осень, и слёзы. Не передать словами, что творилось в моей душе, когда я замечала и первый жёлтый лист, и стога на лугу, и ласточек на струнах, и жёлтую рожь.

...Была у меня любимая берёза. Она росла в низочке, за ручьём. У неё был кривой ствол, на котором я любила сидеть. Мои подружки вечером звали меня в клуб, но я иногда отказывалась идти с ними и шла к этой берёзе. Тихонько напевала песенки, разговаривала с лесом, с букашками и сочиняла стихи на родном языке. Частенько ловила туман. Мне нравилось, как он топил меня, растворяя в своём холодном молоке. Я не записывала первые стихи, и они все подзабылись со временем.

* * *

Скотину в лесу начал задирает медведь. Винюват пастух дядя Василий, он до крови подрался на празднике. А кровь ему проливать никак нельзя, обход (оберег) нарушится. В один из дней опять пришла весть, что медведь задрал очередную корову, и трактор с санями поехал мимо нашего дома её забирать. Я повисла на косом вепсском заборе в ожидании. Доярка Лида бежала навстречу трактору с воплями, какой молочной у неё была эта корова. Послышался гул, и вот уже показались сани. Я взглянула на корову, и мне стало плохо, – у коровы было выедено вымя и разорван хребет. Я заплакала что есть мочи и зарылась в бабушкины юбки. После этого случая все мужики собрались и медведя того застрелили.

– *Четырнадцатый разговор*

Был в нашей деревне один старик охотник. За свою жизнь он убил тридцать девять медведей.

А вот сороковой медведь его заломал. Охотника принесли из леса домой, но поправиться он так и не смог.

А другой охотник, дед Иван, шёл на лыжах по лесу, когда на его плечи с дерева запрыгнула рысь и вцепилась в шею. Ну да у него была толстая шапка, воротник шубы был поднят, рукавицы толстые надеты, так он смог сбросить рысь и убить.

– *Пятнадцатый разговор*

Дело это было после революции. Скотину из семей забрали в колхозы. В нашем краю, когда какая-либо работа сверх твоих сил, говорят: «Быка на дерево не поднимешь». И означает это выражение то же, что у русских: «Выше головы не прыгнешь».

И вот неизвестно кто убили быка из колхозного стада, голову быка подняли на вершину дерева и там её установили. По следам крови голову быстро нашли, а кто быка убил и съел – так до сих пор никто и не дознался. Ног-рук убийцы для милиции советской не оставили. Народ смеялся и после этого стал говорить: «И быка можно на дерево поднять».

* * *

Мальчики научили меня свистеть. Я довольная прибежала домой и показываю бабушке своё мастерство свистуньи. Бабушка взяла в руки прут и чуть меня не взгрела, запретив свистеть в доме.

– Бабушка! Что я плохого-то сделала? Почему мне не позволяешь свистеть? Никогда я тебе не могу угодить ни так, ни сяк. Всегда получается: так – туго, сяк – слабо, – рассердилась я, а сама чуть ли не плачу.

– Ну, будет уже, будет, внучка, утри сопли-то с носа! Нельзя свистеть потому, что на твой свист все гадюки в дом приползут.

– Как приползут? Почему?

– Подожди, я тебе про змей-то расскажу. Раньше, в старину, ещё змей огненный прилетал с южной стороны, где Нюрговичи находятся.

– А что он делал? Дома сжигал?

– Не знаю что. Старые люди говорили, что прилетал перед бедой какой-нибудь, перед войной. Вот, слушай. И бабушка мне рассказывает вот это.

– *Шестнадцатый разговор*

Один мальчик никак не слушал запретов и всё время насвистывал в доме. Как-то семья села за завтрак. Хозяин нечаянно глянул под стол, а там лежит гадюка. Это хранительница дома явилась на свист. Убивать её нельзя. Если убьёшь её, то вся семья как попало (необычно) исчезнет.

– *Семнадцатый разговор*

Пошли мужики рыбачить на Тойвозеро. Пришли, сели в лодку, спустили в воду мерёжи и слышат какое-то посвистывание. Смотрят, а по воде плывёт змей, голова поднята над водой и из неё торчит красный гребень. Мужики бросили мерёжи и убежали домой.

– *Восемнадцатый разговор*

Одна женщина пошла за ягодами в Каркозеро, надев на себя красную одежду. Собрала черники и, довольная, идёт уже домой. Слышит, сзади кто-то свистит. Смотрит, так Господь Вседержитель, спаси и сохрани! Гадюка с красным гребнем свернула кольцом и собирается запрыгнуть на неё. Женщина знала уже, что от этой змеи надо убежать зигзагами, потому как она может прыгать только прямо. Ну, женщина эта бежит что есть мочи зигзагами, быстренько развязывает красный платок и бросает его гадюке. Гадюка отстала. Да ненадолго, – опять слышится свист. Сорвала женщина красную кофту и швырнула гадюке. Гадюка опять отстала. Спустия время опять слышится свист. Тут женщина скинула красную юбку и швырнула гадюке. Осталась женщина только в белой сорочке. И гадюка её больше не преследовала.

* * *

В нашей деревне у кошек нет длинных хвостов. Если вырастает у какой кошки длинный хвост, тут же кончик хвоста обрубает топором. У нашей кошки хвост тоже обрублен. Я спрашиваю у бабушки, а зачем это делают? Бабушка отвечает:

– Дак чтоб гадюк и ящериц в дом не заманивала.

– А как кошка их заманивает?

– Дак она бежит и кончиком хвоста играет, а гадюка если увидит, ползёт следом. Как-то наша Мурка таким образом гадюку из леса заманила аж до самого крыльца. В результате хвост-то себе и укоротила.

* * *

Лето проходит быстро. Мама волнуется, как я маленькая буду жить в интернате, – ведь не умею ничего делать, – и со слезами учит меня, как мне самой заплетать косички, мыться, как наматывать портянки. Мама боится, что меня будут обижать, и учит меня себя не возносить, а других не обсмеивать. Наконец шьёт мне заплечный рюкзачок и вяжет толстые носки, чтобы я не мучилась с портянками.

**Озёра.
Деревня, в которой я училась
с 5-го по 8-й класс**

Дети в интернат съехались со всех вепских деревень, говорим ещё по-вепски, но старшие уже стесняются родного языка и переходят на русский. Меня зовут «маменькиной дочкой», я сильно скучаю по дому, в субботу бегу-бреду двенадцать километров до деревни и мечтаю, чтобы школа в Озёрах хоть бы сгорела, а я жила с мамой и бабушкой.

Тяжко жить в интернатах и оставаться собой.

* * *

Суббота – самый любимый день недели. Я прихожу из школы, когда мама ещё на работе, на столе ожидают меня открытка и конфеты, вечером мы идём в баню, это день семейной любви, заботы, счастья, день радости и покоя. Ложась спать, я знаю, что утром увижу маму, бабушка напечёт чего-либо вкусного, но воскресенье заканчивается так быстро, что уже к обеду радость уходит – надо идти в этот ненавистный интернат.

– Мамочка, ты меня проводишь до мягозёрского ручья?

– Да, моя радость (птичка), провожу, моё солнышко! – мама берёт мой рюкзачок, и мы отправляемся в озерскую школу как на каторгу. Вот и ручей уже, с мамой до него доходим очень быстро.

– Мама, а давай до той горочки проводи ещё немножечко! – прошу я маму. Но вот и горка пройдена, и я прошу проводить до поворота, до высокой осины, и так мама доходит со мной почти до Шондович. Расстаёмся мы каждый раз со слезами, долго оглядываемся, машем друг другу и ждём конца очередной недели.

Переступая порог родного дома, я будто укоренялась, в интернате же мои корни были даже не на земле, они были в воздухе. Я жила мечтами и с удовольствием ходила лишь на уроки, а интернат, столовую и толпу я старалась отодвинуть от себя. Став постаршей, уходила одна гулять на улицу. Из-за этого теперь я плохо помню лица и имена своих одноклассников и при встрече попадаю в неудобное положение, но вот так на меня повлияла интернатская жизнь.

– *Девятнадцатый разговор*

Была война, и мой дед был на войне. Бабушка с тремя дочками сели кушать за стол. Внезапно в доме потемнело, дом приподнялся и со стоном

опустился. Бабушка заплакала и сказала: «Дети, отца убили». Спустя время пришло письмо, что дед без вести пропал именно в те дни, когда случилось это чудо.

– *Двадцатый разговор*

Мама собиралась замуж и сомневалась, выходить ей или же нет. Её старшая сестра пошла на сарай и стала звать убитого на войне отца, чтоб он посоветовал, как маме быть. Отец явился и вогнал её в испуг, не велел маме выходить замуж за моего папу, она же всё равно вышла, но жизни-то не было.

– *Двадцать первый разговор*

Мама пришла к подружке Анне, а мать подружки тётя Марья в это время её за что-то ругала. Мама позвала подружку гулять на улицу, а сердитая тётя Марья в сердцах сказала:

– Иди куда хочешь, хоть к чёрту.

Мама с Аней поиграли и пошли по домам.

Вечером приходит к нам тётя Марья и спрашивает у мамы:

– А где Анна?

Мама отвечает:

– Да она домой пошла.

Пошли искать, и ворожея указала, что она на мутнозёрской дороге спит возле пня. Пришли туда и действительно нашли её на том месте. После дочь рассказала, что ей чудилось, будто мать идёт впереди, а она с плачем её догоняла до тех пор, пока не упала и не уснула.

Мама мне наказала тут, чтобы я никогда не проклинала своего ребёнка.

* * *

Бабушка не помнит, куда положила пенсию. Ищет везде и ругается:

– Не стало никакой памяти, не помню ничего. Вот ты мне укажи, куда я её положила? Засунула куда-то, а куда? Чего сидишь-то как пирог на празднике?! Помоги-ка искать!

– Да я сильно знаю, куда ты её запропастила! Уж такая пенсия большая, 8 рублей, что надо её непременно спрятать.

Ищем вдвоём. Пенсии нет нигде. Бабушка ругается на чём свет стоит и припоминает всех чертей.

– Ой! – воскликнула она неожиданно. – Дай-ка я попробую одно дельце сделать.

– Какое?

Бабушка берёт гвоздь, молоток и забивает

гвоздь в щель между половицами со словами:

– Чёрт, чёрт, отдай деньги, чёрт, чёрт, отдай деньги!

И без сил садится, ожидая, когда деньги упадут на стол.

– Валинька, а я ведь вспомнила, куда пенсию-то положила. Ой, я пропавшая, бестолковая и безголовая! Я же за фотокарточки (на стене) их засушила-то! Возьми-ка!

Я достала оттуда деньги, 8 рублей, и отдаю бабушке. Радости у неё – незнамо сколько.

* * *

В Чехословакии начались беспорядки, народ в деревне хорошего не ждал, все боялись войны. А меня, вдобавок к этим тревогам, за отличную учёбу отправляют отдыхать на лето в «Артек». Я обрадовалась донельзя, а мама от этой вести чуть не упала в обморок и устроила грандиозный скандал:

– Вот уж туда так я не отпущу тебя ни за какие обещания! В такое тревожное время отправлю ли я своего ребёнка в неизвестность да на чужую сторону?! Да ни в жизнь не отпущу!

Я заревела.

– Можешь не плакать, сказала, не поедешь никуда! Сейчас же пойду позвоню директору школы, что я тебя не отпускаю скитаться к чужому морю, пускай своих детей на муки посылает! А если война уж случится, так я тебя обниму и так мы кучкой вместе и умрём, – буду знать хоть, что ты со мной. Я если бы могла, то обратно засунула бы тебя в живот и всю жизнь носила бы как кенгуру, не отпускала бы ни на минуту! Да отправлю ли я своего ребёнка неведомо куда?!

Я стала перечить, что войны не будет, страны социализма сильные и бояться нечего.

– Соплячка какая! Много ты знаешь и понимаешь! Ты войны не видела, а я – вдоволь хлебнула! Даже и не надрываюсь! Сказала – никуда не поедешь!

Я зарыдала пуце прежнего.

– Всё, Валя, хватить реветь! Это моё последнее слово. Ты меня знаешь. Сказала – не пущу!

– Тогда я и учиться буду хуже, – проблем таких не будет!..

– Только посмей! Не терзай-ка ты моё сердце, и без того трудно тебя растить! Ума-то маленько держи, – надолго опечалилась мама из-за моей хорошей учёбы.

Так я и не попала в «Артек», а поехала туда дочь директора школы. Мою маму даже директор слушался.

* * *

Мы стоим на крыльце клуба и смотрим на вспышки молний.

– Девочки, я пошла домой! – неожиданно сообщая я подружкам.

– Да в своём ли ты уме, дождь же скоро будет!

– Это и хорошо, мне то и надо!

– Ай! – лишь махнули подружки на меня рукой.

...Я иду тихо, жду дождь. У Пустой горы крупные капли ударяют о землю, и дождь хлынул потоком. Я снимаю туфли и иду под тёплым дождём, скользкая земля сочится сквозь пальцы ног, платье плотно облепило тело, чёрная августовская ночь озаряется дальними молниями, и у меня тепло на душе, – скоро, скоро уже я зайду в уют своего дома! Дождевой водой из таза мою ноги, тихо, чтобы не разбудить маму и бабушку, снимаю и вешаю мокрое платье, отжимаю волосы, надеваю сухую рубашку и даже подрагиваю, так приятно телу сухое бельё. Пью молоко, оставленное мамой на столе, и ложусь спать.

Я знаю – в такие ночи в полях наливаются хлеба, вода грохочет под стоком, и я засыпаю счастливой.

* * *

У бабушки трудный характер. Как рассерчает, так удержу на неё нет. На нашем конце деревни Агвех это все знают и, когда бабушка ругается, жалеют маму: «Опять Левишна разоряется». Дедда бабушки звали Леонтий, а вепсов на деревне часто по имени дедов кличут.

Достаётся от бабушки и работнице сельсовета, тёте Марусе из деревни Ладва. Она собирает налоги, и бабушка встречает её ещё в дверях.

– Только посмей зайти! – кричит бабушка тёте Марусе. – Что за плату с нас сельсовет сдирает?! Кто теперь во власть пробрался?! Да только самые ленивые и бестолковые люди! Что за дурацкие идеи у них в головах, кто им велел в наших краях кукурузу сеять?! Да мы её и есть-то не умеем! Лучших работников кулаками сочли, ночью увезли неведомо куда, сами работать не хотят, сделались все начальниками, а с нас последнюю копейку сдирают?! Никаких налогов платить не буду!!! На крыльцо даже не входи, не пущу в дом!

– Тётя Дуня, так я же в этом не виновата, работа у меня такая – налог собирать.

– Ну, это уж знамо дело, власть-то кормить

необходимо, но только я ей никакого мерзкого налога платить не намерена! Ни копейки не заплачу!

– Тётя Дуня, ведь за такие слова тебя же и посадить могут!

– А пусть попробуют!!! Неужели ты ябеда?! – бабушка ещё пуще забушевала и тут же помянула и Ленина, и Хрущёва, и всех председателей такими «тёплыми» словами, что тётя Маруся стала обходить наш дом стороной и об уплате налогов разговаривала лишь с мамой.

О Сталине бабушка ни разу плохо не отзывалась. А мама вспоминала, как вся деревня плакала, узнав о его смерти. И детей в тот день не учили в школе, распустили по домам.

* * *

Сегодня бабушка успокоилась и посматривает в окно, ждёт на беседу жену Дмитрия Пелагею.

– Что это Пелагея-то не приходит, не пришкандыбаёт никак?

– Да зачем же она заявится, если ты накануне с нею поругалась?

– Подумаешь, цаца какая, уж и сказать ничего нельзя, – сердито загремела бабушка у печи, вышла в сени и принесла молоко. – Валя, сходи к ней! Отнеси вон молока и творога, ей же ни копейки пенсии не платят, детей нет, кормить некому...

– Если жалеешь её, так зачем же ссору устраиваешь?

– А препирается только, не по-моему говорит, беседовала бы она молча.

– Где ты беседу без разговоров слышала?

– Ну, дела так дела! Гляньте-ка сюда: цыплёнок уж курицу учить начал!

И пошла я к тёте Пелагее, от греха подальше.

* * *

– Бабушка, вот ты всегда ругаешь советскую власть, а за что?

– А что дельного она сделала? Жили люди своим трудом, кто работающим был, так тот и жил хорошо, нужды не знал и голода не видел.

– Да ты и сейчас ни нужды, ни голода не видишь!

– А раньше видно было, кто какой человек, по работе, через умение и мастерство – не спрячешь, а теперь кто ловкий обманщик, тот и персона! Обманом можно деньги достать, а не своими силами.

– Да не советская ли власть тебе пенсию-то вып-

лачивает, разве это плохо сделано?! – вызывающе, как комсорг в классе, взъелась я на бабушку.

Она даже растерялась, не знает, что мне и ответить.

– Да вот только если из добрых дел, так лишь пенсия и назначена старым людям, а так дак не сделала советская власть ничего хорошего!

* * *

Весна. Восьмилетку я заканчиваю с грамотой. Осенью иду учиться в школу в Винницах.

Винницы. 9-й, 10-й классы

Дети в школе разные: и русские, и вепсы, говорим только по-русски, в школе говорить на вепском не позволяют. В интернате же ещё изредка говорим на вепском. В выходные дни некоторые дети в семьях начинают говорить только по-русски. А я в Мягозере говорю на родном языке и дома, и на улице. Бабушки за это меня хвалят и говорят мне добрые слова: «Какая умная, хорошая и не возносящая себя девочка. Не бахвалится, есть такая, какая есть».

* * *

Провожаем в армию соседа Вову. Все пришли пожелать ему доброго пути. И хотя его старенькая бабушка уже едва поднималась с постели, но тут с трудом спустилась по лестнице на улицу, чтобы проводить любимого старшего внука, она боялась его не дожидаться и просталась с ним навсегда. Благословила его, покрестила, обняла, взяла из поленицы полено и с бормотанием отнесла в дом. Она была бабушкой-знахаркой, жена Ивана – Евдокия, и таким образом оградила заговором внука от всех армейских невзгод.

* * *

– Бабушка, что это ты делаешь?! – удивляюсь я. А бабушка в руках держит кошку и кошкин хвост суёт в свой нос! Кошка царапается, бабушка ругается, и смотреть на эту сцену со стороны очень смешно и удивительно.

– Что, что?! Подзамёрзла где-то, сквозняком продуло, нос течёт – платок весь уже мокрый! – бабушка звучно чихнула, кошка спрыгнула с рук и от страха залезла под печку.

– Ну, допустим, нос течёт, а кошку-то зачем

мучаешь, не собираешься ли хвостом нос подтирать?

– Какая непонятливая особа! – сконфуженно ворчит бабушка. – Из ума я ещё не выжила, мозги все ещё на месте! Нет бы учиться у старого человека чему путному, хорошему, так она только лишь смеётся-хихикает да изгаляется над старым человеком! Когда болеешь...

Закончить фразу бабушка не успела, у неё опять щекочет в носу, и она звучно чихает:

– Ап-чи!!!

– Будь здорова! Бабушка, скажи, не скрывай, что ты делала с кошачьим хвостом? – спрашиваю я без улыбки.

– Нос лечила, кошкин хвост от насморка помогает.

– ???

– Нечего смеяться! Старые люди побольше тебя понимают! Ведь смотри-ка, какая неуважительная выросла! – бабушка хотела было поругать меня, но снова звучно чихнула, а кошка в огромной тревоге выскочила из-под печи и запрыгнула на печку.

* * *

Мама опять сшила мне новое платье. Она меня наряжает к каждому празднику. Мама – портниха на всю деревню, умеет шить всё, даже старинные портки и исподние рубахи.

Я нарядилась, сделала причёску, нарисовала глаза, чтобы пойти в клуб. Вышла из комнаты показаться маме с бабушкой и, надмеваясь, спрашиваю:

– Ну, как я выгляжу?

Бабушка посмотрела и говорит:

– Была человек как человек, а теперь какая-то верхихвостка. Глаза – как отверстие в заднице!

– Бабушка!!! Ты обо мне никогда слова доброго не скажешь!

...Пришла из клуба и смываю из рукомойника на ночь тушь с ресниц. Бабушка меня уже ждёт и ругается:

– Анна, Анна, вставай-ка!!! Девка-то с гулянки пришла и моется! Ой ты потаскушка, ты потаскушка! Анна, Анна, чего спишь-то?! Бери прут да прутом распутницу!

Я заревела от обиды, бабушку это немного утихомирило.

* * *

Мама боится, что, когда я выйду замуж, буду плохо уживаться со свекровью, и рассказывает мне такой случай.

– *Двадцать второй разговор*

Вышла девушка замуж. Пришла суббота, надо мыть полы. Невестка знает, что свекровь будет наблюдать, хорошо ли она их помоеет, и драит все полы до желтизны. А порог не трогает. Свекровь посмотрела и говорит:

– Немытые полы.

Невестка снова перемыла. Опять свекровь говорит:

– Немытые полы.

Опять невестка трёт полы до изнеможения. Наконец свекрови стало жаль невестку, и она научила её, что полы остаются невымытыми, пока порог не вымоешь.

С тех пор я порог мою всегда.

* * *

Высоко в небе кружит ястреб. От жары у земли воздух дрожит, куры попрятались под кустами картофеля, оводы и слепни залетели в сени и бьются в стекло. С луга доносится стрекот кузнечиков и стук наковальни – отбивают косу. Пахнет травами, дорожной пылью, мне становится лень что-либо делать, я ложусь читать книжку и незаметно засыпаю. Будит меня бабушкино ойканье, это ястреб унёс-таки курицу.

Вот так и устроен мир: один спит, а другой не дремлет, и так в самый сладкий летний час отдыха вершится трагедия.

* * *

В нашей семье все поют – мама, няня и крёстная, они сёстры, поют на три голоса, и когда собираются на летние праздники, то сосед дядя Егор садится на лавочку возле своего дома послушать их пение.

«В низенькой светёлке огонёк горит, – звучным голосом запеваёт мама. – Молодая пряжа у окна сидит...» – няня и крёстная вплетают голоса, уменьшают звонкий мамин голос, мама никогда не соперничает с поющими, а мягко поддаётся задушевной мелодичности песни, и песня широко льётся из нашего низкого окна.

Маму как-то даже приглашали солисткой в областную филармонию, да бабушка не пустила. Сказала мужчине, который собирал по деревням народных умельцев, таланты, что её дочь никогда артисткой не будет, что они все гулящие.

...Временами с нашей бабушкой разговор получался очень коротким.

«Каким ты был, таким ты и остался, орёл степной, казак лихой. Зачем, зачем ты снова повстречался, зачем нарушил мой покой?» – взывают к кому-то красивые и сердечные женские голоса.

«Колосилась в поле рожь густая, наливались усики овса, где-то за деревней недалёко девичьи звенели голоса», – и слова, и мелодии в песнях такие прекрасные!

Няня низким голосом печально запела: «Позарастали стёжки-дорожки, где проходили милого ножки, позарастали мохом-травой, где мы гуляли, милый, с тобою...» – и опять песня-печаль слышится из нашего окошка, – дочки жены Фёдора поют.

– Как на концерте сестёр Фёдоровых побывал, так хорошо вы, Фёдоровна, пели вчера, даже расстроился из-за чего-то, спал плохо, – говорит маме на другой день дядя Егор.

– Если плохо спал, то и пение было плохим...

– Что ты, Аннушка! Не в этом суть... Хорошая песня душу берedit. Ой-хо-хой, ведь так и проходит жизнь человеческая – день за днём... Когда-то и я женился, на мандолине играл-бренчал...

...Я с сёстрами Галей и Ниной стою на Осташковой горе у косой изгороди. Летний вечер тёплый и нежный, Осташкова гора высокая, наш Агвех-конец виден весь, нам нравится смотреть вниз на свой домик, – вечер переполнил и наши сердца нежностью и теплом, и вся наша девичья любовь к жизни, к родной земле и к родителям вложена в тихую, прекрасную песню...

* * *

Иду с бабушкой по грибы и всю дорогу беседую. Она интересно рассказывает, идём мы по памятным ей местам, и она делится со мной своими воспоминаниями из прежней жизни.

– Глянь, вот это – Булаты, Булатовых опушка, моего деда земля, ниже на палу репу сеяли, а вдоль ручья покосы идут. Плохой луг, узкий, затённый, солнышко редким гостем заходило, а ручей был таким холодным, что среди лета в воде руки стали.

Как идти по шондовской дороге, с левой руки, гора-то ещё есть с вышкой над Мягозёрским озером, так рассказывали, что когда-то давным-давно с неё барин сундук с золотом и серебром скинул вниз, в озеро, чтобы никому не досталось. А справа, в Комбачах, поле было деда Никанора, Мойсеевых, твоя прабабушка здесь страдала, обижал он её сильно, да и мою матушку отец не баловал, молодой умерла, мне всего лишь двенадцать лет было... Мать-то родом была из Пёл-

душ, из Смирновых... Да... А ведь вторую жену отец пальцем не тронул, берёг, был он мужиком крепким, бородатым, голосистым, а умер уже после войны, от дифтерита.

– Что за болезнь такая?

– А плёнки горло заняли, так он и задохнулся... Ну, а дальше мягозёрского ручья мы уж за ягодами с опаской ходили, туда парни из Шондович приходили, ягоды отбирали. Ох, и драчливые же были! Если на праздник придут, то с местными парнями драку огромную устроят, оплеухи давали друг другу, стенка на стенку стояли, до крови. Девушки помогали в драке, камни подавали. Даже в тюрьму попадали из-за драк, и такое бывало...

Бабушка замолчала и тяжело вздохнула.

– Что, бабушка, устала?

– Да, пойдём уже домой, корзины полные, весь лес не унесёшь...

– Бабушка, а я слышала, что барин Курдалимов золото и посуду дорогую спрятал в каменные гряды на Барской горе, так ли это?

– Да разговор-то есть, а действительности никто не знает, прячут-то тайком. Он уже ожидал раскулачивания, так добро и закопал где-то. У нас-то тоже двухэтажный дом был, так из-за этого боялись, что кулаками сочтут, заберут и убьют. Ну да Бог уберёт...

Время тогда было тревожное, страшное, разговаривать боялись – за одно слово в острог можно было попасть, спать ложились и крестились, чтобы ночью под окна машина не подъехала. Попов и крепких, зажиточных хозяев всех увезли куда-то.

А церкви некоторые были очень богаты! Из озерской церкви серебро телегой свезли куда-то, а какие красивые старинные иконы, со стол размером, сожгли – даже и сейчас их жаль. И взять их домой боялись, твой дед не давал мне в божнице даже крохотную икону держать, был школьным директором да ещё секретарём сельсовета работал, – на собрания-то у нас собирались, – так чтобы даже на глаза иконы никому не попадали.

А колокол какой в церкви был! Звонил – звон был слышен за десять вёрст! Да всё разорили, сломали и сожгли. И Бога не побоялись. Народ страх божий и совесть-то потерял.

– Бабушка, а каким был дед?

– Да таким и был, человек как человек! Ездил учиться на курсы в Лодейное Поле и в Питер, купил фотоаппарат, сидел в темноте в амбаре, карточки делал, временами там красный свет горел, я ещё ругалась из-за этого: будто уже на том свете кого в аду жарят, – да ещё писал что-то и отсылал куда-то. Голос у него был хороший, молодым

пел на клиросе. На войну когда ушёл, куска хлеба на завтрак детям не оставил, не умел жить ради себя. Я в голод разменяла на еду и зеркало-трюмо, и швейную машинку Зингер, и чулки свои фильдекосовые, и бельё фильдеперсовое, и платье вышитое канифасовое...

Мне смешно от этих слов, я украдкой улыбаюсь, а бабушка рассказывает:

– После войны приходил мужчина, спрашивал, не остались ли какие бумаги, да я их во время войны все пустила на растопку.

– Что же дед писал?

– А как узнаешь теперь – что? Мужчина-то сказал, что в Питере бомба в дом упала и все бумаги сгорели, а что было в них написано, я не спрашивала.

– Ой, бабушка! Да как же можно было не спросить?! Ведь дед мог тогда что-нибудь о вепсах писать!

– А кому теперь это интересно? Ты бездельница, без работы да без заботы, лезешь везде, а мне не до того было, надо было детей кормить и растить.

Одно время в войну у нас в доме жил офицер, комнату занял, я с детьми спала на печке. Зима в тот год была такой студёной, что птицы на леду замерзали и на землю падали. Мимо нашего дома в сторону Тихвина целый день ехало на лыжах бесчисленное количество солдат в белых балахонах. Ой, и полегло же людей на той войне! И через нас ещё куда-то везли эвакуированных, и у одной худенькой женщины заболел ребёнок, всё плакал. Жалко было женщину, и я пустила её в дом на печку. Уснули они, приходит офицер на ночлег, а ребёнок опять стал капризничать да плакать.

– Кто у нас, Евдокия Ивановна? – сердито проворчал офицер.

– Это я пустила в дом эвакуированную женщину с больным ребёнком, не вынесет он дороги.

А у самой голос стал как у просительницы, это в своём-то да доме!

– Вот что, уважаемая Евдокия Ивановна, чтобы через полчаса её здесь не было!

– Да разве мыслимо на такой мороз людей ночью выгонять?! Пропадёт ведь она с ребёнком!

– По законам военного времени я приказываю, Евдокия Ивановна, а не прошу.

– И ты выгнала их, бабушка?!

– Человек этот был бездушным, боялась ослушаться, хотя так мне хотелось его послать куда подальше ко всем чертям! Да из-за своего характера могла ведь и детей сиротами оставить.

...У нас солдаты на Бирже (район деревни) окопы рыли, один солдатик был из Мутнозера, двенадцать километров от нас, и без разрешения пошёл мать проведать. Так этот недочеловек его застрелил у Редбора, и могила там под сосной есть. Ох!.. Длинная жизнь прожита! ...Устал уже язык говорить... А ноги – идти. Вот бы горячий самоварчик нас подждал! Чайку-то горячего сейчас я бы попила! – вздохнула уставшая бабушка.

* * *

Вечером я подружкам рассказала про чулки фильдекосовые, платье канифасовое, панталоны фильдеперсовые, и мы смеялись так, что чуть не умерли от икоты.

Не сердись на меня из-за этого, бабулечка!..

* * *

Копаем картошку. Мама копает только вечером, после работы, я на неделе в интернате, и вся тяжёлая работа ложится на бабушку. Земля на нашем огороде тяжёлая, глинистая, комками, в дождливую погоду так хоть плачь: сапоги вязнут, картошка грязная, скользкая от глины.

– Ой-хо-хой! – с оханьем потягивается бабушка и трёт поясницу. – Знала бы ты, как я нынче ночью маялась, все члены-то мои сковало, не могла шевельнуться, как морок меня давил.

– Кто, кто? Что ещё за морок такой?

– А поди знай кто?! Бес да сатана в обнимку, вот кто! Иногда спящего человека как камень давит, не может ни ногой, ни рукой шевельнуть, как в земле уже лежит. И вот в этом кошмаре надо собраться и через силу пошевелить большим пальцем ноги. И тогда он исчезнет. А так ведь и задавить может, упаси Господь!

– Сказку какую-то говоришь, бабушка!

– А вот дак уж не сказку! Сказку! – сердито передразнивает меня бабушка. – Жизнь прожить – не борозду в край поля провести. Дай-то бог тебе этого морока не знать!

Теперь-то я уже знаю: бабушка говорила совсем не сказку.

* * *

Бабушка уже не может ходить далеко в лес, я с мамой пошла за брусничкой по мутнозёрской дороге. Места тут красивые, сухие, сосновые боры. Деревни Мутнозеро уже нет, люди выселены, пе-

реселились кто куда. Колхоз там косит сено, мама хвалит красоту окрестностей, я же не была там никогда. Брусники красным-красно, как рассыпана по земле, собирается быстро, и кошель вскоре становится полным.

– Спасибо, Господь Вседержитель и лесные хозяйка-хозяйюшки! – кланяемся мы с мамой брусничнику и кладём гостинца лесным духам под пенёк.

– Как хорошо в лесу! Отдохнём недолго да домой пойдём, – мама подаёт мне кусок хлеба, толсто намазанный домашним маслом.

– Ой, как вкусно! Мама, а в Мутнозере на кладбище есть ли каменные памятники? – спрашиваю я.

– Не видела и не всматривалась. А почему ты спрашиваешь?

– Да бабушка говорила, что в Мутнозере жили чужаки, царём за что-то сосланные из Питера. Они ещё вепсов научили самогон варить, и некоторые с тоски спились, после Питера-то наши глухие места невесёлыми кажутся.

– Господи! – ахнула мама. – Да откуда ты это знаешь?! Я и не слышала никогда!

– Так ещё мягозёрский парень взял замуж горничную этого чужака. Ну, это были всё-таки не арестованные разбойники, а дворяне, сосланные со своей прислугой. Баба Ира К-ва про это тоже говорила. И слово наше «услонец» похоже на русское слово «сосланный». И, вероятно, слово «ухорез» тоже пришло из русского языка, с отрезанными ушами здесь кто-то ходил. Во времена Стеньки Разина уши отрезали, так, может быть, эти разбойники и бежали в наши леса?

– Проучилась в школе, так теперь чудеса какие-то говоришь! А тётя Ира много знает... Не зря тебя бабушки любят, – качает головой мама. – Со всеми уже успела поговорить. А мне так некогда было лясы точить, с тринадцати лет работать пошла...

* * *

Уже сейчас я стала искать подтверждения этим своим воспоминаниям у старожилов, так как не хочется мне прослыть лгуньей. Про дворян в Мутнозере уже никто не знает, а гувернантка, не горничная, Таня была взята замуж из-под Питера и прожила всю жизнь среди вепсов, выделяясь и одеждой, и манерами. Осталось тайной, какие языки она знала, но по-вепски она не говорила. Замуж её взял Ларион, не просторбочий, а смотритель леса, вся грудь у него была в крестах.

Ленинград

Школа с успехом окончена, надо бы ехать учиться дальше, но мне жаль было покинуть дом, год после школы жила с мамой – так за все годы учёбы нажилась и исстрадалась в интернатах. Школа в моей душе оставила плохой след. Но учиться всё-таки надо, и я уезжаю в Ленинград. Каждую неделю пишу маме письма и хоть капельку, но добавляю в письмо вепских слов. Мама просила меня не писать ей длинных предложений, ей их трудно читать. Но как не писать их? Я же скучаю не только по дому, маме, но и по языку. «Тусттун... Чуюкоинь синдэй! (Скучаю... Целую тебя!)» – такими словами заканчиваю я письма. Часто езжу домой и как только встречаю косые изгороди, то уже знаю, я – дома, среди своих. Перед отъездом всегда целую печку, чтобы не охладеть к родной земле.

По телефону с родными говорю лишь на вепском и каждое лето езжу домой уже с сыном.

* * *

Когда я была в декрете, умерла в родах моя подруга. Ребёночек, мальчик, тоже умер, так в гроб их вместе и положили. И так мне было жалко и её, и себя, и всех женщин на этом свете. Огромнейшая тоска сдавила грудь, мысли приходили всё тягостные, и никак я не могла уяснить, для чего мы рождаемся на этой земле...

На бдение возле гроба мама меня не взяла. Запретила: «Нельзя тебе беременной идти к покойнику, не пойдёшь сегодня никуда, а пойдёшь завтра, чтобы проститься с подругой».

В день похорон мама положила мне на соски красные тряпочки, чтобы ко мне ничто плохое не пристало, чтобы разродилась я легко и ребёночек мой был здоровым.

Так я навеки простилась с подругой, которая умерла в моём возрасте. Смерть недалеко от нас ходит. Старостью не умрёшь, а молодостью не проживёшь, так говорят старые люди.

* * *

1980-е годы. В автобусах из Подпорожья, Винниц часто слышишь вепскую речь. Но уже в деревнях некоторые бабушки в магазинах, сельсовете стараются говорить на русском. Дома с внуками та же история.

* * *

В нашей родне случилось большое горе. У моей тёти (я её зову няней) умер муж в 42 года. Пошли мы в сорочины на кладбище, няня плакала и причитала, что осталась она одна с большими заботами и с тяжёлой работой. При уходе одну жердь из прясла кладбищенского вытащили и позвали покойника домой.

Дома сели мы за стол, и няня говорит:

– Коля, иди-ка да садись с нами кушать.

На эти слова дверь как распахнётся, и с вешалки упала рубашка. Дядя Коля дал знать, что пришёл к нам.

* * *

1990-е годы. В Петрозаводске выходят вепсский букварь, газета, книги. В школах начинают факультативно преподавать язык, создаются детские хоры. В Винницах открывается ежегодный праздник Древо жизни. Я беру тетрадь и начинаю в неё записывать свои стихи. Всю жизнь стихи возникали у меня лишь на родном языке. Стихов на русском у меня единицы.

* * *

Сын каждое лето живёт у бабушки, но язык не любит и насмехается над говорящими по-вепски приятелями. Говорить на вепском языке сын так и не научился.

* * *

2000-е годы. Молодых людей в деревнях остались единицы, нет работы, нет квартир, закрыты школы, медпункты. Молодёжь уехала в города. Говор ещё слышен, но от людей старшего поколения. Молодёжь в глаза говорит, что язык им ни к чему, куда его применить? Все кинулись изучать язык английский.

* * *

Незадолго до смерти отчима в нашем колодце испортилась вода, невозможно стало её пить. Колодец глубокий и много лет уже стоит просто так, стены осыпаются, очистить его у нас сил нет, но и засыпать – рука не поднимается. Наконец мама решается бросать в воду мусор и чуть ли не заболевает из-за того, что загаживает колодец. Про-

сит прощения и у Бога, и у хозяев воды, да только тоскливо на душе и у мамы, и у меня.

* * *

В субботу пошли на рыбалку два моих брата и племянник. Озеро дальше было, и когда пришли они на берег, племянник, увидев размер озера, говорит: «Стоило нам такую даль ехать, чтоб рыбачить в этой луже».

У языка вожжей нет... Оскорблённая «лука» старшего брата и племянника забрала с собой, они утонули. Знали же братья, как себя надо вести и в лесу, и у воды, а вот ведь в какой недобрый час эти слова с языка соскочили.

* * *

2009-2010-е годы.

Мама зиму живёт у меня. Каждый день мы с ней говорим по-вепски. По телефону с родственниками говорю тоже на родном языке.

Весной уезжаем в деревню.

Курба.

Лесной посёлок, в котором жила мама с 1981 г.

Огород разрыт кротами, везде холмики, и ходы ведут под чеснок. Мама ругает всех: кротов, ворон, мышей, насекомых и меня.

– Что ты ругаешься-то на всех? Кормиться-то ведь всем хочется, – пеняю я маме.

– Да как же не ругать этих вредителей, если от них никакого житья нет, вредят и вредят! Сверху – вороны, снизу – кроты, гусеницы и разные всякие заразы! Садишь, садишь, а они только травят всё! А ты ещё и кормишь этих дармоедов!

Мама перекинулась на меня:

– Сколько раз прошу, не давай еды воронам, крышу всю, посмотри-ка, проклевали, дырки в толи, протекает уже. Я их гоняю, а могла бы, так змеюк этих всех бы скопом поубивала, а ты только и делаешь, что приручаешь их на крыше тебя поджидать! Для какого такого дела кормишь этих оглоедов до отвала?! На следующий год купи-ка опять отравы для мышей и муравьёв!

– Куплю. Ну что ты напала на ворон? Хорошая птица, умная, меня узнаёт уже, – шучу я.

– Да ещё бы не так! Тебя же глупую все собаки, вороны и кошки узнают! Землю и весь свет пройди, такой, как ты, и не отыщешь нигде. Как я могла и ребёнка-то такого родить?! Без конца что-то

вытворяет! Только посмей кормить ворон!!! – как в детстве грозит мне пальцем мама.

Я смеюсь:

– Мама, а посмотри-ка, какой у вороны глаз лукавый, а как мышка хороша!

– Эта хорошенькая если в амбар попадёт, то без хлеба оставит! Хуже мыши и нет никого. Мелкоты она рождает видимо-невидимо, извода на них нет!

Я улыбаюсь и зову маму на обед. Кушать надо всем: и людям, и животным...

* * *

Растапливаю плиту, и неожиданно из дров выпадает большой жук, усы длинные, панцирь жёсткий и чёрный до синевы. Красавец, одним словом! Я украдкой его заворачиваю в бумагу и выношу на улицу.

– Кого ты опять нашла? – спрашивает мама.

– Жука.

– Неужто его ещё и на улицу отнесла?

– Отнесла.

– Ну и ну, до чего ж бессмысленный ребёнок! Нет бы убить этих негодяев, так она как сумасшедшая бегаёт туда-сюда ради букашек.

– Да зачем же убивать-то, мама? – вопрошаю я.

– А затем! Ещё бы ты в доме развела всяких гадов, вот тогда-то бы жизнь наладила!

– Да ведь они нечаянно в дом-то зашли, они же уличные жители, зачем же их убивать, если можно на улицу отпустить?! Как раньше старые люди учили? Если из леса нечаянно на платке гусеницу занесёшь, то не убивай, отпусти на улицу, она же не твоё ест. Так и с этими насекомыми, – зачем же их убивать? Пусть лето красное живут.

Мама махнула рукой и долго ещё ворчала на меня на моём любимом языке.

* * *

Боль не даёт ступить на ногу. Лодыжка опухла, и при ходьбе как иголка в стопу впивается. Это при прополке грядок меня кто-то укусил. Соседка Тася прочла заговор от змеиного укуса, опухоль спала, и я опять работаю.

*Встану благословясь,
оденусь благословясь,
умоюсь благословясь,
выйду благословясь,
из притвора в притвор,
из двери в дверь,*

*на зелёный луг,
во чисто поле.
На зелёном лугу,
во чистом поле,
есть золотой прогон...*

Какое же оно действенное и мощное – древнее вепсское слово!

* * *

Мужики в деревне пьют беспробудно. С утра тянутся в магазин за водкой. Мама смотрит и качает головой:

– Нет никакой работухи у мужиков! Что такое ныне приключилось? Отчего молодые люди всю работу побросали? Лишь в бутылку только смотрят, дно ищут. И раньше мужики выпивали по праздникам, но работу не забывали! А теперь... Дома, заборы падают, скотину не держат, огороды не сажают и никакой заботы знать не знают! Пенсии у родителей все пропивают, только на пьянку подались! Нет теперь ни власти, нет и государства!

– Мама, а ты помнишь, ты когда-то ведь жалела, что сына у тебя нет? – укоряю я маму. – Вот родила бы ты сына, так заработала бы затрещин на старости лет...

– Не вспоминай больше про это! – злится мама. – Чего ты эти слова на деревко-то поднимаешь? Зачем их постоянно напоминать, если они когда-то от безнадёжности у меня вырвались? И что за голова у тебя такая, что помнишь то, чего не надо?!

* * *

Навестить маму после долгой зимы пришли подруги, соседки. Говорят о болячках, тревогах, детях. Откуда-то в дом пробрался шмель и с гулом бьётся в окно.

– Во, как загудел, выпусти-ка его на улицу, – велит мне мама и рассказывает про меня. – Днём она на работе, приходит уже поздно и вечер сидит, смотрит в эту дрянную штуку, – показывает мама на ноутбук. – Не знаю, что это за машина, не соображу, как так получается, но все наши люди там на фотокарточках есть, песни наши я оттуда слушала, плакала даже. Ночь она просиживает, смотрит туда, глаза только портит ни за что ни про что, спать ей некогда из-за этого никчемного пустяка. Свой ребёнок, а таким непривычным кажется, – вздыхает мама. – Вместе-то мы, можно ска-

зять, и не жили, вот оттого я и не знаю её толком...

– Ну вот, – зашла я в комнату. – Выпустила шмеля.

– А кто это был, не пчела? – спрашивает тётя Саша.

– Нет, это был шмель – учубраз.

– Да я и слова-то такого не знаю.

– Как так не знаешь?

– Не слышала даже никогда.

– Ну вот, здравствуйте, приехали!! – недоумеваю я. – А как же тогда на нашем языке зовётся шмель?

– Так шмель и есть мезьейне.

– Да нет же! Мезьейне – это пчела. А у шмеля своё название есть – учубраз! Да оно ему и подходит совершенно, будто мохнатый Карлсон полосато-каёмчатый летает.

Няня встречается в разговор с предположением, что учубраз – это шершень.

– Няня, так шершень-то разве не пахачкуйк? Его так и зовут из-за того, что у него жало длинное и сам он весь загнулся, как кочерга – куйк.

– Да-а-а, правду ты говоришь... Если он куснёт, так и мужик падёт за смертью.

– Ой-ой-ой, ну и дела, – смотрят друг на друга бабушки. – Жизнь какая настала. Видно, прожит нами день до вечера! Не помним уже никаких названий ни насекомых, ни цветов, ни трав... А ещё вепсами прозываемся...

* * *

Собираю материал про вепские имена для группы в социальных сетях. Имена старинные и по нынешним временам уже непривычные.

Валя М. приехала в гости к матери и вспоминает, как искала имя для младшей дочери. Старшую дочь зовут Инга, а эту кто-то посоветовал назвать Стелла. Бабушка как услышала это имя, так подняла большой шум:

– Ещё чего?! Одну уже зовут Инга, и если вторая будет Стрелка, то ноги моей больше у вас не будет!

Хохочем так, что даже рты заболели.

Отсмеявшись, я рассказываю, как приехала на лето домой с грудным сыном, имя у которого – Вадим. Бабушка меня ругает из-за того, что дала ребёнку плохое имя.

– И где ты такое обнаружила, вовек его не слышала! Я так этого имени, убей меня, в жизни не запомню! Ой-ой-ой! Не знаю теперь, как и звать буду внучка!

– Бабушка! Слово «авадим» (ключ) ты ведь помнишь? Так ты первую букву опусти и будет имя – Вадим!

И бабушка потом называла сына Авадим, Авадимейне (Ключ, Ключик), Вадемьян.

* * *

Недомогает наша соседка. Она знает много сказок, песен, разных вепских штук и охотно делится ими. Я хожу её навещать, делаю уколы, интересуюсь, не полегчало ли ей, и болтаю с ней о том да о сём.

– Спасибо тебе, Валенька! До чего же ласковый язык у тебя, так ты мягко говоришь, одним языком человека (от болезни) становляешь.

Я даже прослезилась от этих слов:

– Тётя Аня, это не я ласковая, это в нашем языке слова такие ласковые...

Курба. 24.06.2010

Умерла мама. Днём 23-го пошла в амбарчик обломать ростки у картофеля и едва-едва вернулась домой со словами: «Мне так плохо с головой... Валинька, не пугайся...»

Я испугалась до смерти. Кричала, как животное под обухом.

...Летний вечер был такой чистый, солнышко лениво ложилось спать, розовые лёгкие облака сопровождали его, тихо плывя следом, туман тонкой полоской ложился на луг. Безмятежным летним сном спала вся земля, и только моя мама искала покоя возле Бога своей душе и составившемуся телу...

Отдохнувшее солнышко встало, много ли ему надо, летние ночи в вепском крае короткие да белые. Мама же не проснулась. Было 4 часа 15 минут.

Я с огромнейшей нежностью, благодарностью и любовью закрыла глаза своей маме... И в этом я – счастливая дочь: жить многие годы отдельно от мамы и оказаться с ней дома в самые трудные смертные её часы – не каждому даровано такое счастье. Господь сотворил так, что мимо прошли и не коснулись нас все мамы озабоченности: в старости она более всего боялась оказаться лежащей в углу и ослепнуть. Бог же уберёт от этого и её, и меня.

Мы не успели стать обузой друг другу.

* * *

Господь Вседержитель, Святой Бог Податель, большое спасибо Тебе за милости Твои маме и мне! Только Ты всё знаешь! Видишь Ты и души, и мысли, и дела наши.

* * *

«Дармоеды, вредители и заразы» откуда-то узнали, что я живу теперь одна, и караулят каждый мой шаг. Еды от поминок осталось много, и я их теперь балую, – ругать меня за это некому. Говорят, что они весточку могут и на тот свет отнести, птицам затворов там нет...

* * *

Есть в Библии у любимого мною Екклесиаста в главе 12 слова:

«Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы: – Доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем...»

* * *

В мой дом пришли плакальщицы, порвалась в моей семье и в моём языке ещё одна серебряная цепочка, и этих серебряных драгоценных цепочек остаётся на земле всё меньше и меньше. Тонко и тихо они звенят.

Всем своим сердцем я жажду, чтоб серебряные цепочки вепсского языка никогда не рвались. Да только это не в моих силах...

* * *

Этот рассказ на родном языке написала я – Лебедева Валентина, внучка жены Фёдора и дочь Анны.

Валентина Васильевна ЛЕБЕДЕВА

родилась в деревне Мягозеро Ленинградской области.

В 2004 году зарегистрировала в Санкт-Петербурге вепсское общество, занимала должность вице-президента.

Стихи на вепсском языке начала писать ещё в юности, публиковалась в газете «Kodima», в альманахе «Verez tullei».

В 2012 году вышла книга «Lendi linduine (Летела птичка)»,

в 2014 году – книга рассказов на вепсском языке с переводом на русский «Удивительный народ», год спустя – книга «Вепсы деревни Мягозеро –

Панфилки из Мышкина», написанная в соавторстве с С. Степановым.

Живёт в пос. Курба Подпорожского р-на Ленинградской области.

В журнале «Север» публикуется впервые.

